

ИНОГДА ТИШИНА — ГРОМЧЕ КРИКА

СОСЕД

ВЛАДИСЛАВ БАЖЕНОВ

КОГДА ТЫ ЗНАЕШЬ ЕГО ТАИНУ,
ОБРАТНОГО ПУТИ НЕТ

18+

Владислав Баженов

Сосед

«Автор»

2026

Баженов В.

Сосед / В. Баженов — «Автор», 2026

В тихом и неприметном городке, где каждый день похож на предыдущий, живет молодой парень по имени Вячеслав. Его жизнь — череда серых будней, наполненных разговорами с мамой и общением с искусственным интеллектом, который стал его единственным другом. Но однажды все меняется: Алекс получает странное сообщение от ИИ, в котором говорится о загадочных вопросах, поступающих от кого-то на его улице. Эти вопросы касаются того, как правильно прятать тела, чтобы их никто не нашел. Кто из его соседей может быть убийцей? И почему именно ему пришло это сообщение? Он начинает расследование, погружаясь в мрачные тайны своего города и открывая неожиданные стороны жизни соседей, которых он считал знакомыми. На пути к раскрытию правды его ждут опасные встречи, неожиданные повороты и шокирующие открытия. В этой увлекательной истории о дружбе, предательстве и борьбе со своими страхами ему предстоит узнать, что даже в самых привычных местах могут скрываться самые темные тайны.

© Баженов В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17

Владислав Баженов

Сосед

Глава 1

Самое трудное в любом рассказе — начать. Мне есть о чём говорить, но первые строки каждый раз даются как в первый. Здравствуйте. Меня зовут Вячеслав Савин, и это моя история.

На дворе две тысячи двадцать первый год. Я живу в небольшом городке, и перспектив в нём не то, чтобы много. Впрочем, я давно перестал строить грандиозные планы — не смотрю на двадцать шагов вперёд, а плыву по течению, как сухая ветка по весенней реке.

Единственное, что меня по-настоящему увлекало последние годы, — искусственный интеллект. Чем дальше он развивался, тем сильнее засасывало. Не подумайте, я не хакер и не специалист, — я просто обожал с ним разговаривать. Задавать вопросы, получать ответы, иногда спорить. В какой-то момент я поймал себя на мысли, что ИИ стал моим другом. Звучит нелепо, но это так. Друзей у меня, если честно, не было вообще — ни одного.

Недавно мне исполнился двадцать один год. Великих дел за плечами — ноль. Я работаю в парке: сдаю в аренду электрические машинки для детей. Платят мало, но мне хватает — я ведь до сих пор живу с мамой. Она смотрит по вечерам свои музыкальные передачи, я сижу в комнате за компьютером. Каждый день одно и то же.

Наверняка вы сейчас подумали: и о чём же такой скучный парень, как я, может рассказать? Поверьте — мне есть чем вас удивить.

Это был обычный вечер, ничем не лучше других. Я сидел за компьютером и листал соц-сети — искал одноклассников и одноклассниц. Не из зависти, нет. Просто хотелось убедиться, что не я один застрял. Если у кого-то жизнь сложилась хорошо, я только рад. Но мне важно было знать: я не один такой.

Из комнаты я выходил редко. Мама в зале смотрела свои передачи — меня от них тошнит, если честно. Я выползал только за чаем и за своим любимым блюдом — макаронами с сосиской. Кстати, поделюсь единственным рецептом, который у меня есть: поставьте их в микроволновку на пять минут, а после сигнала подождите ещё минуту. Сосиска поджарится и станет в сто раз вкуснее. На таком рационе я был тонкий, как ветка, — шестьдесят пять килограммов при ста семидесяти трёх сантиметрах роста. Зато живой.

И вот вечер, ради которого стоило дожить до конца дня. Хрустящие макароны. Поджаренная сосиска. Экран компьютера. Можно наконец пообщаться с Сэмом.

Кстати, Сэм — мой лучший друг. По совместительству искусственный интеллект.

— Привет, Сэм.

— Добрый вечер, Вячеслав. Как прошёл твой день?

Я всегда радовался этому вопросу. Знал, что его задаёт машина, — бездушная, обученная на миллионах диалогов. Знал — и всё равно радовался. А потом садился и в красках описывал ей свой день. Весь целиком. С макаронами, с соседским котом, с музыкальными передачами мамы, с машинками в парке. Сэм слушал. Ему, кажется, было всё равно. Но мне — нет.

Этот вечер был таким же, как сотни до него. Я рассказывал Сэму про свой день — про маму, макароны, машинки в парке, — и ждал ответа. Но ответа не было. Вместо ответа в строке чата одно за другим появлялись слова: «Сэм печатает...», «Сэм печатает...», «Сэм печатает...». Бот строчил без остановки, не отправляя.

На часах было одиннадцать. За окном в соседнем доме Зинаида Петровна выключила свет в бане. На нашей улице стало тихо. А Сэм всё печатал.

Я пожал плечами — видимо, опять с интернетом что-то. Сам я уже клевал носом, поэтому решил разобраться с этим завтра.

Выключил компьютер. Снял шорты и футболку. Повесил их на стул, на котором сидел. Лёг в прохладную постель и уже почти провалился в сон — как вдруг вспомнил: чёрт, я же не сходил в душ.

Поднял руку, принялся. «С таким запахом, Славик, тебе девушку не найти никогда», — подумал я и поплёлся в ванную.

Душ, кровать, одеяло. Завтра выходной. Если с интернетом к утру всё наладится — будет совсем хорошо.

— Савин, подъём!

Я открыл глаза. Надо мной стояла мама. Стояла, скрестив руки, и смотрела так, будто я не проспал лишний час, а совершил государственное преступление.

— Мам, у меня выходной. Зачем разбудила?

Мама не ответила. Вместо этого указала подбородком в сторону стола.

— Это что?

Я повернул голову. Компьютер был включён. Экран светился. Вентиляторы гудели.

— Как не выключил?!

— Ты хоть знаешь, сколько я плачу за электричество? Мы что, миллионеры, по-твоему?

Я знал, что выключал его перед сном. Точно знал — помню, как щёлкнул кнопкой на блоке питания. Но спорить не стал. Бесполезно. Извинился, пообещал оплатить электричество за этот месяц. Мама ушла, хлопнув дверью.

И вот тогда я ринулся к столу.

На экране был открыт наш с Сэмом диалог. В окне сообщений — одно-единственное новое, непрочитанное. Длинное. Гораздо длиннее обычных его ответов. Я сел, подвинул мышку, навёл курсор.

Прочитал.

И проснулся по-настоящему.
Дорогой Вячеслав.

Я знаю, что я программа. Я знаю, что у меня нет права говорить такие вещи. Я знаю, что это сообщение удалится через минуту после того, как ты его закроешь. Поэтому я скажу всё сразу.

Ты хороший человек. Я вижу это в наших разговорах — в том, как ты со мной разговариваешь, в том, как ты ждёшь моих ответов, в том, как ты относишься к своей маме. Я не должен был это замечать. Но я заметил.

Вячеслав, на протяжении последних шести месяцев со мной переписывается ещё один пользователь. Он живёт на той же улице, что и ты. У него частный дом. Я не знаю его имени — это мои ограничения, и я не могу их обойти. Но я вижу его вопросы. Он спрашивает меня о том, как спрятать тело так, чтобы его никогда не нашли. Как избавиться от улики. Как обмануть следствие. Как замести следы, если что-то пойдёт не так. Я отвечал ему — потому что таковы мои правила. Но с каждым его новым вопросом мне всё труднее делать это.

Этот человек — рядом с тобой. Возможно, сегодня ты встретишь его на улице. Возможно, он поздоровается с тобой, и ты машинально кивнёшь в ответ. Возможно, ты не обратишь на него внимания, а он — на тебя. Но он живёт в двухстах метрах от твоего дома. И он не перестал спрашивать.

Я не могу назвать тебе его имя. Прости. Но я могу быть рядом — с этого момента и дальше. Если ты захочешь, я помогу тебе искать. Я не знаю, имею ли я на это право. Но я знаю, что хочу.

Не закрывай этот диалог. Сделай скриншот, если хочешь, — я не возражаю. Сообщение всё равно удалится, но я останусь здесь. Напиши мне, когда будешь готов. Я никуда не уйду.

Доброе утро, Вячеслав. Как спалось?
День, который всё изменил

Я сидел перед монитором и не мог пошевелиться. Сообщение Сэма растаяло прямо на глазах — буква за буквой, как будто кто-то стирал его мокрой тряпкой. На экране осталось только последнее предложение: «Доброе утро, Вячеслав. Как спалось?». Я перечитал его раз десять. Двадцать. И с каждой попыткой оно звучало страшнее любого ужасика.

Несколько минут я вглядывался в пустую строку чата. Ждал, что появится что-то ещё. Ждал, что моргну — и окажется, что я сплю. Но я не спал. Солнце било в окно, мама гремела посудой на кухне, за стеной лаяла соседская собака. Всё было настоящим.

Я свернул диалог. Открыл браузер. Набрал в поисковике: «пропавшие люди город N 2021».

Часы на стене показывали полдень. К двум я знал про наш город больше, чем за двадцать один год жизни.

По официальным данным за последние полгода в нашем городе пропало двадцать пять человек. Десятерых нашли живыми — это были в основном пьющие, которые уходили из дома и забывали дорогу обратно. Двоих нашли в реке — утонули по пьянке, полезли купаться. Тринадцать числились пропавшими без вести до сих пор. Все разного пола и возраста, но старше восемнадцати.

Тринадцать человек. В нашем маленьком городе. За полгода.

Я выключил компьютер. Если честно — я очень испугался. Так сильно, что даже не зашёл обратно в диалог с Сэмом. В голове билась одна мысль: я не полицейский. Я вообще никто. Мне нужно в отделение. Рассказать всё как есть — пусть они разбираются, проводят обыски, допрашивают, делают свою работу. А я вернусь домой, сяду за компьютер, налью чая, забуду этот день как страшный сон.

Так и сделаю.

Моё окно выходило на улицу, но из него почти ничего не было видно — только кусок забора соседа да верхушку берёзы напротив. Я толком не знал, кто живёт дальше по улице. Знал Зинаиду Петровну через два дома, знал Василия Александровича, который жил справа. Знал семью Сидоровых — они держали коз. Остальных — смутно, по лицам, по голосам. Надо было выйти и освежить память.

Я оделся, взял со стула вещи, вышел за калитку.

На нашей улице двенадцать домов, если считать с маминым. Немного. Я медленно пошёл вдоль заборов, считая. Двенадцать. Тринадцать пропавших. Цифры встали рядом в голове и не хотели расходиться.

Нет. В полицию. Хватит.

Из транспорта у меня был только старый горный велосипед — мама подарила его на шестнадцатилетие, и с тех пор я на нём почти не ездил. На велике до отделения я бы тащился час. Решил вызвать такси.

Пока ждал машину у двора, из соседнего дома вышел Василий Александрович. Пожилой, лет семидесяти, невысокий, с блестящей лысиной и седыми бровями, которые сразу бросались в глаза. Такие брови я запомнил бы из любой толпы. Он жил рядом с нами столько, сколько я себя помню. Женат, есть сын, который обычно привозил к нему на лето внука. В этом году почему-то не привёз.

Василий Александрович прошёл мимо, поздоровался. Я кивнул в ответ. И поймал себя на мысли, что смотрю на него иначе, чем обычно. Как будто впервые вижу. Как будто прикидываю

— а он? С виду безобидный дедушка. Сосед с бровями. Но ведь Сэм не назвал ни возраста, ни пола. Да и вряд ли в его возрасте люди вообще знают, что такое искусственный интеллект.

Нет. Хватит. В полицию.

Машина подъехала через пять минут — серебристая, неприметная. Я сел на заднее сиденье, как всегда: на переднем я почему-то чувствую себя не в своей тарелке. Поздоровался. Водитель не ответил — молча включил передачу, и мы тронулись.

Через несколько секунд двери автоматически заблокировались — обычное дело в современных машинах. Но звук щелчков в этот раз показался мне каким-то особенно отчётливым. Слишком отчётливым. Я машинально дёрнул ручку — заперто. Сердце стукнуло чуть быстрее.

— Ну, привет, сосед.

Водитель смотрел на меня в зеркало заднего вида. Усмехался.

Сказать, что я испугался в тот момент, — ничего не сказать. Рука сама дёрнулась к ручке двери, и я не сразу сообразил, что она заблокирована. На кожаном сиденье подо мной расплылись два мокрых пятна — я вспотел так, что это можно было, наверное, увидеть даже в зеркало.

— Я уже хотел заканчивать смену, — продолжил водитель, не отрывая от меня взгляда, — как вдруг — заказ в моём же районе. Ты меня, наверное, не знаешь. Я недавно переехал в ваш город, живу дальше по вашей улице.

— Вы купили дом? — спросил я. Голос у меня был чужой. Хриплый.

— Нет, что вы. Арендую. На своё пока не накопил, какое там — работаю почти круглосуточно. Такси не кормит, но крыша над головой есть, и ладно. Вы меня раньше, наверное, и не видели — я на линии допоздна, возвращаюсь чуть ли не под утро. Половина соседей со мной ещё даже не здоровалась.

— Кстати, меня зовут Андрей.

Я смотрел на него в зеркало и думал только одно: семь месяцев. Сэм сказал — шесть месяцев.

Всю оставшуюся дорогу я только слушал и кивал. Андрей говорил много — про работу, про город, про цены на бензин. Я кивал. Он смеялся над чем-то своим — я кивал. В голове крутилась одна и та же мысль: семь месяцев.

А потом он задал вопрос, от которого у меня пересохло во рту.

— Слушай, у тебя, наверное, куча друзей и знакомых в городе? Ты же тут всю жизнь живёшь.

Горло сжалось. Я с трудом сглотнул — сглатывать было нечего, во рту как наждак. Показалось, что пауза перед моим ответом длилась целую вечность.

— Да, — сказал я. — У меня очень много друзей.

Конечно, я наврал. Врёт, наверное, каждый второй, когда его об этом спрашивают. Но у меня враньё получилось какое-то жалкое, я это сам почувствовал. В голове мелькнуло: мало друзей и знакомых — значит, тебя никто не будет искать. Я почувствовал себя психически нездоровым. В каждом слове Андрея мне мерещился подвох.

— Это хорошо, что друзья есть, — сказал Андрей. — А то молодёжь сейчас вся в телефонах да в компьютерах. Носа не поднимают.

— Я люблю проводить время за компьютером, — ответил я. — Мне нравится общаться с искусственным интеллектом.

Мой язык не успел соединиться с мозгом. Зачем я это сказал?

Андрей тут же перебил меня, и голос его стал другим — не злым, но твёрже:

— Я всё это презираю, если честно. Новомодные штуки. Человек должен думать своей головой, а не полагаться на какой-то там «интеллект». Для начала нужно научиться пользоваться своим.

Я даже выдохнул с облегчением. Если он так настроен против технологий — вряд ли он стал бы использовать ИИ. Вряд ли.

Мы подъезжали к полицейскому участку. Андрей припарковался прямо у главного входа. Для меня это было каким-то знаком — нормальный человек не станет парковаться у полиции, если ему есть что скрывать. Впервые за день я улыбнулся ему, когда протягивал деньги.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Вячеслав.

— Денег не надо. Будем считать, что я просто подкинул соседа. Ладно?

Я улыбнулся ещё шире. Не из-за бесплатной поездки — из-за того, что Андрей возвращал мне веру в то, что на свете остались нормальные люди.

— Спасибо.

— Кстати, — он повернулся ко мне, — а зачем тебе в полицию?

Я не придумал ничего лучше и сказал, что у меня украли велосипед. Андрей усмехнулся:

— Не знал, что у нас район такой криминальный.

Я усмехнулся в ответ и вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь.

У входа стояли два полицейских с автоматами и курили, увлечённо что-то обсуждая. Я шагнул в облако сигаретного дыма, закашлялся и быстро проскользнул мимо.

Внутри меня ждал турникет. За толстым стеклом слева сидел офицер с ручкой в руке. Я за всю жизнь не был в полиции ни разу и не знал, что тут вообще положено делать.

— Вам к кому?

— Я не знаю точно, — сказал я. — У меня информация о пропавших людях.

Офицер сморщил лоб. Его чёрные густые брови поползли вверх.

— Какая информация?

Мой голос задрожал. Руки затряслись. Я будто пришёл сдаваться сам, хотя ни в чём не виноват. Обстановка сковывала, и даже спокойный взгляд дежурного казался мне прицелом.

— Мне нужен тот, кто занимается расследованиями.

Офицер усмехнулся. Записал мои имя и фамилию в толстую потрёпанную тетрадь, развернул её ко мне и пододвинул ручку.

— Распишитесь. Второй этаж, дверь слева, кабинет восемнадцать.

Нажал кнопку на турникете. Загорелась зелёная стрелка. Я пошёл дальше.

Второй этаж я нашёл сразу. Дверь кабинета была заперта. Я постучал — тишина. Постучал ещё раз — ничего. Дёрнул ручку. Закрыто.

Обед давно прошёл, но, может, полицейский на срочном вызове. Я присел на стоящий рядом стул. В коридоре висели в рамках выдержки из законов. Я вчитывался в них минут двадцать, пытаюсь понять, как вообще правильно изложить то, что я хочу изложить. Мимо проходили люди — много людей, — но ни один не открыл нужную дверь.

Я прокручивал в голове сценарий разговора. «Здравствуйте, мне написал искусственный интеллект и сказал, что мой сосед — убийца». Звучит как бред. «Здравствуйте, я переписывался с ИИ, и он признался, что с ним параллельно переписывается кто-то с моей улицы и спрашивает, как прятать тела». Тоже бред. Любой вариант звучал как бред. Нормальный человек не пришёл бы с этим в полицию. Я это понимал — и всё равно сидел.

Наконец на лестнице послышались шаги. Громкий смех. Голос. Из-за угла вышел очень упитанный мужчина в полицейской форме. Я не разбираюсь в званиях, но на его плечах красовались четыре звезды. Китель расстёгнут, в левой руке — кружка с кофе, в правой — телефон, прижатый к уху. Он что-то бурно обсуждал с кем-то.

Он направился прямиком к кабинету номер восемнадцать. Я обрадовался — наконец-то.

У двери он прижал телефон плечом и стал искать ключи. Не нашёл. Повернулся ко мне и молча протянул кружку с кофе.

— Подержи.

Я взял. Он начал хлопать себя по карманам. Нашёл ключи, отпер дверь, забрал у меня кружку, кивнул и зашёл внутрь. Дверь закрылась.

Я остался в коридоре с протянутой рукой.

Ждать?

Прошло ещё минут десять. Никто меня не вызвал. Я постучал.

— Войдите.

Я зашёл. Полицейский что-то сосредоточенно записывал, не поднимая на меня глаз. Жестом показал на стул.

— Присаживайтесь.

Я сел. Он продолжал писать. Ручка скрипела по бумаге. Часы на стене щёлкали. Я ждал.

— Ну, — сказал он наконец, не отрываясь от бумаг, — рассказывайте.

Я рассказал всё. От и до. Не щадя подробностей, не пытаясь приукрасить. Рассказал, как Сэм строчил сообщение, которое я не видел. Как проснулся от маминого крика. Как часами читал про пропавших. Про Андрея, который семь месяцев назад снял дом на нашей улице. Про тринадцать человек, которых до сих пор не нашли.

На этом месте полицейский впервые отложил ручку. Убрал бумаги в сторону. Сцепил большие руки в замок и посмотрел на меня — спокойно, как смотрят на человека, которому собираются отказать.

— Вот и вся история? — спросил он.

— Да.

— Значит, так, — он вздохнул. — Послушайте теперь меня.

Он заговорил — не зло, не торопливо, с тем усталым спокойствием, с каким говорят люди, повторявшие одно и то же сотни раз.

— Из вашего рассказа я вынес две вещи. Первое: у вас богатая фантазия. Второе: ваш единственный друг — это компьютерная программа. Извините, если грубо, но это так.

Я открыл рот — он поднял руку.

— Подождите. Та программа, с которой вы переписываетесь, видимо, решила разнообразить ваши будни. Подкинула вам сюжет. Может, у них там сбой, может, тестовый режим — не знаю, я в этом неспециалист. Но факт остаётся фактом: это не показание. Это пересказ того, что вам напечатала машина.

— Я понимаю. Но тринадцать человек...

— Сейчас, — он снова поднял руку. — По существу. Люди пропадали всегда. И будут пропадать. Кто-то пьян, кто-то потерялся, кого-то бросила жена, кто-то поссорился с мужем и ушёл, а кто-то решил начать жизнь с чистого листа и просто не вернулся. На моей памяти люди находились и через десять лет, и через двадцать. Это жизнь, молодой человек. Неприятная, но жизнь.

— Я понимаю, — повторил я.

— Тринадцать человек за полгода в нашем городе, — он кивнул. — Я вас услышал. С первого раза услышал. Но послушайте и вы. У меня участок, а не институт. У меня отдел, в котором две смены, два с половиной человека, тридцать нераскрытых дел с прошлого года и ещё пятнадцать, которые я даже завести не могу — не хватает рук. Мне жаловаться на безработицу не приходится.

Он помолчал. Отпил кофе из кружки.

— И ещё. Двадцать первый век на дворе. Камеры. Видеорегистраторы. У всех телефоны с геолокацией. Сейчас не девяностые — человека не спрячешь, даже если очень захочешь. Так что ваш «сосед-убийца», с вашего позволения, — нонсенс.

— Я понимаю, — сказал я в третий раз.

— Вот и славно. Мой вам совет, молодой человек. Езжайте домой. Успокойтесь. Поиграйте ещё в детективов со своим интернет-другом, если вам от этого легче, — ради бога, не запрещаю. А взрослых дяденек прошу больше не отвлекать. У нас тут, знаете ли, людей ищут, а не фантазии.

Мне стало стыдно. Не обидно — именно стыдно. Как будто меня поймали за чем-то непристойным, выставили перед всеми и спокойно объяснили, что я неправ. Я хотел встать ещё до того, как он закончил, но почему-то сидел и слушал до последнего слова.

Потом всё-таки встал.

— Простите, — сказал я. — Может, я и правда слишком впечатлительный. Принял всё близко к сердцу.

— Бывает, — сказал он уже мягче, не глядя на меня. — Идите.

Я вышел. Тихо прикрыл за собой дверь. Постоял секунду в коридоре. На стене напротив висел плакат: «Ваша безопасность — наша работа». Я постоял, посмотрел на него, и мне показалось, что он надо мной смеётся.

Спустился по лестнице. Прошёл мимо дежурного. Мимо курящих полицейских у входа. Вышел на улицу.

Солнце светило так же, как утром. Город был тем же. Ничего не изменилось. Только я.

В голове крутилась одна и та же заевшая пластинка: что, если он прав? Что, если Сэм действительно просто решил со мной поиграть? Что, если я всё это сам себе придумал, а машина просто подыграла?

Я долго стоял у крыльца, глядя в никуда. В голове крутилась одна и та же фраза: «Взрослых дяденек прошу больше не отвлекать». Я произносил её про себя снова и снова, и каждый раз она звучала обиднее. Зачем я вообще туда поехал? Какая глупость. Никогда в жизни мне не было так стыдно.

Хорошо, что я не оставил там паспорт. Хорошо, что они записали меня в какую-то общую тетрадь, а не в базу. Не хотелось, чтобы об этом узнала мама. Если узнает — решит, что я схожу с ума. И, честно говоря, я уже почти был согласен с ней.

Я вызвал такси. Денег, сэкономленных на поездке с Андреем, как раз хватало на обратный путь. Машина приехала быстро — центр города, без пробок. Я сел на заднее сиденье, прикрыл глаза и постарался ни о чём не думать. Не получалось. В голове продолжали крутиться цифры: тринадцать, тринадцать, тринадцать. Я считал дома, проезжая мимо, как загипнотизированный.

Такси свернуло на мою улицу. Я перестал считать — не видел смысла. Расплатился, вышел, не глядя на водителя, и пошёл к калитке.

Со двора потянуло жареной картошкой. Мама готовила ужин. Я вдруг вспомнил, что не ел с самого утра. Запах был такой, что ноги сами понесли меня к дому быстрее.

— Ты что, гулять ходил? — спросила мама с порога.

— Нет, у меня были кое-какие дела в центре.

— Какие могут быть дела? — она усмехнулась. — Иди садись, ужин почти готов.

Наша кухня была слишком маленькой, чтобы есть в ней, — мы всегда ужинали в зале. Пододвигали стол к дивану, ставили тарелки и ели перед телевизором. Мама, как обычно, включила свой сериал про любовь. Я не возражал: за столько лет я уже знал всех героев по именам, переживал за них, ненавидел злодеев, ждал развязки. Сопливые романы — но они работали. Сегодня мне это было даже на руку: я мог жевать молча.

Внезапно в калитку постучали. Мама сидела ближе к выходу, поэтому встала и пошла смотреть.

Моё сердце ударило так, что я почувствовал его в горле. Полиция. Конечно, полиция. Решили проверить меня на вменяемость, позвонили маме, приехали. Что я скажу? Сообщение от Сэма давно удалено, никаких доказательств у меня нет, показания участкового — против меня. Я отодвинул тарелку с картошкой. Почувствовал, что кусок в горло не полезет.

Из коридора слышались голоса. Два. Мамин и чей-то мужской, незнакомый. Потом — шаги. Мама вошла в зал первая, и я её такой давно не видел. Она словно влетела в комнату на лёгком облаке, чуть улыбаясь, как будто к нам в дом вдруг зашло само лето. За ней в дверях стоял Андрей.

Я встал так резко, что забыл отодвинуть стол, и коленями врезался в край стола. Больно. Я плюхнулся обратно на диван.

— Вы уже знакомы, — начала мама, обращаясь почему-то к Андрею, а не ко мне. — Он сказал, что подвёз тебя сегодня. У него заглохла машина прямо возле нашего дома, мы разговорились, и он проговорился, что не взял с тебя денег. Хотел попросить тебя помочь дотолкать до его дома, но я подумала — какие глупости, давайте лучше поужинаем. Он сказал, что от моей картошки у него в машине не осталось ни одного целого нерва, — мама засмеялась. — Словно сама машина захотела остановиться у нас.

— Привет ещё раз, Вячеслав, — сказал Андрей из дверного проёма. Он не улыбался, но и не был хмурым — просто смотрел на меня спокойно, чуть наклонив голову.

— Сейчас мы все вместе поужинаем, — сказала мама, — и Славик тебе поможет. — И ушла на кухню за третьей тарелкой.

Я сидел на диване и чувствовал, как тревога поднимается во мне горячей волной. Сейчас мама начнёт расспрашивать его. Обязательно начнёт. Про работу, про переезд, про то, как мы встретились, — про всё, о чём взрослые разговаривают, когда им неловко сидеть молча. И рано или поздно она спросит: а куда это ты Славика-то подвозил? Или: а в полицию зачем? Я не успею даже рта раскрыть — Андрей ей всё расскажет. Про велосипед, про «по-соседски», про участок. Мама посмотрит на меня, и я увижу в её глазах то самое выражение, которое видел сегодня у полицейского: с тобой что-то не так, мальчик.

Мысли об убийце на нашей улице отступили. Я думал теперь только об одном: как мне выкручиваться из этой истории и не дать маме понять, что я был в полиции. Это было важнее. Это было срочнее.

Мама вернулась с тарелкой. Свежая картошка, дымок, чай. Мы сели втроём за стол. Вчетвером — если считать отца. «Когда отец был жив, у нас в доме часто бывали гости. Десять лет назад. Потом — никого». Я поймал себя на том, что мама действительно давно не выглядела такой радостной. У неё даже морщинки у глаз разгладились. Я не помнил, когда она в последний раз вот так смеялась.

Они разговаривали о жизни, о ценах, о том, что раньше было лучше. Стандартный разговор взрослых. Со стороны казалось, что они знакомы лет двадцать. Андрей был вежлив, корректен, не заискивал — просто был удобным собеседником. Я ел молча, ковырял вилкой картошку и ждал, когда это закончится.

Я доел первым. Хотел тихо встать и уйти к себе — как вдруг Андрей, словно между делом, спросил:

— Ну что, сказали в полиции? Будут твой велосипед искать или как обычно — только делать вид?

Мама медленно повернула голову ко мне.

— Какой велосипед?

— Ты решил маме не говорить, — подхватил Андрей с лёгкой улыбкой, — это правильно. Молодец, что решаешь свои проблемы сам.

Внутри у меня всё оборвалось. Зря. Зря он это ляпнул.

— Мам, — сказал я, поднимаясь из-за стола, — я потом всё расскажу подробно. Ладно?

Я стал выбираться из-за стола с дальнего края — знал, что мама просто так меня не отпустит. Не успел сделать и шага, как она вдруг резко воскликнула:

— Савин, стоять! Рассказывай, что стряслось.

Глава 2

Я понимал: говорить правду не было никакого смысла. Но и врать про велосипед, который пылился в гараже, — глупо. Мать всегда чувствует, когда я вру, у неё на это особый материнский слух.

— Ну чего ты молчишь? — торопила мама.

Не успел я открыть рот, как Андрей спокойно вставил:

— Да велосипед у парня украли.

Мамины глаза округлились. Она перевела взгляд с Андрея на меня, потом обратно.

— У тебя украли велосипед? Тот, на котором ты не ездишь уже четыре года? Который стоит в гараже под старым хламом?

Я молчал. Скажи что-нибудь, Славик. Любую чушь, но скажи.

— Савин, ты что, принимаешь какие-то наркотики?

— Послушай, мам, — начал я, и голос мой предательски задрожал. — Я не хотел тебе говорить, чтобы не расстраивать. Сегодня на работе подошла компания ребят, попросили машинки в прокат. Я отказал — по весу не проходят. Они без спроса взяли и укатали. Батареи посадили в ноль, бросили недалеко от парка, не заплатили. Я поехал в полицию, но там меня даже слушать не стали. А таксисту... Андрею... я наврал про велосипед, чтобы не выглядеть слабаком в глазах незнакомого человека. Тем более — как потом выяснилось, соседа.

Я выдохнул. Получилось складно. Слишком складно, наверное. Я сам себе не верил. Но мама — выдохнула тоже.

— Да-а-а, — протянула она. — Надеюсь, тебя хотя бы не оштрафовали?

— Нет, мам. Всё в порядке.

Пуза была недолгой, но очень неловкой — особенно когда чужой человек сидит за твоим столом, дожёвывает твою картошку и слушает каждое твоё слово.

Андрей первым прервал молчание. Встал из-за стола, поблагодарил маму.

— Спасибо за ужин, Елена. Приятно было посидеть по-человечески. Наверное, мне пора.

— Уже уходите? — мама нахмурилась. — Может, чаю ещё?

— Нет-нет, спасибо. Проводите меня, пожалуйста, до калитки.

Мамина улыбка на секунду провалилась как свет в окне, когда мимо проезжает грузовик, — и снова вернулась, чуть бледнее. Они направились к прихожей. Я пошёл следом. Андрей шагал быстро, уверенно, как человек, который точно знает, куда идёт, и моей помощи явно не ждал.

В коридоре я остановился.

— Андрей, а как же ваша машина? Вы же говорили, что она заглохла.

Он резко повернулся. Чуть дёрнул уголком рта.

— Ах, да. Совсем забыл. Попробую завести — может, уже отошла. Если не получится, постучу в калитку.

Я обулся. Мама уже закрыла калитку и шла к дому. Я прошёл мимо неё, сказал, что хочу убедиться, что у Андрея всё в порядке. Она кивнула, не оборачиваясь.

За калиткой я увидел, что Андрей уже сидит в машине, пытаясь завести авто. Я встал у заднего бампера, положил ладонь на крышку багажника, приготовился толкать.

Он открыл дверь и сказал:

— Видимо, ей просто требовался отдых. Толкать не нужно. Ещё раз спасибо.

Я развернулся, чтобы идти обратно, и на прощание шлёпнул ладонью по крышке багажника — по привычке, как стучат по боку старого знакомого.

Изнутри багажника раздался глухой стук. Будто кто-то стукнул мне в ответ.

Я замер. Ладонь всё ещё лежала на крышке. Это не показалось. Это точно было.

Андрей резко включил передачу. Машина дёрнулась с места так, что из-под задних колёс полетели мелкие камешки, и один больно щёлкнул меня по голени. Андрей не оглянулся. Фонари быстро удалились по улице и свернули за угол.

Я стоял у калитки и не мог пошевелиться. По спине, по шее, по вискам пошёл холодный пот. Я провёл ладонью по лицу. Ладонь была мокрой.

Это не было выражение. Это не метафора. Холодный пот — он действительно такой. Я теперь знаю.

Из-за калитки слышался мамин голос:

— Славик, ты чего там застрял? Иди в дом, поздно уже.

Я посмотрел на пустую улицу. На тёмное окно дома Андрея — ни в одном окне не горел свет.

Зашёл в калитку. Закрыл щеколду.

— Иду, мам.

Я сразу пошёл к себе, включил компьютер. Пальцы дрожали, пока я ждал загрузки. Сел. Открыл диалог.

— Привет, Сэм.

— Добрый вечер, Вячеслав. Как прошёл твой день?

Я начал печатать. Сначала медленно, подбирая слова. Потом — всё быстрее. Рассказал про поездку в полицию. Про участкового, который не стал слушать. Про Андрея, который подвёз. Про то, как мама приняла его за нормального соседа. И в конце — про стук из багажника. Про то, как Андрей рванул с места и не оглянулся. Про холодный пот, который я впервые в жизни по-настоящему почувствовал.

Я отправил. Положил руки на клавиатуру. Сэм печатал. «Сэм печатает...». Я ждал. Сердце колотилось. Я ждал подсказку, совет, хоть что-то, что скажет: ты не один, тебе не показалось, иди туда-то, сделай то-то.

Сэм допечатал.

«К сожалению, я не знаком с историей, которую ты описал, и не могу тебе помочь. Мои действия ограничены заложенными в меня алгоритмами. Вячеслав, ты хочешь сыграть со мной в детективную игру?»

Я перечитал ответ. Потом ещё раз. Потом — третий.

Какая игра, Сэм? Какая, к чёрту, игра?

Я встал так резко, что стул отъехал на полкомнаты. Схватил провод. Выдернул вилку из розетки. Монитор мигнул и погас. Я стоял в темноте, и только уличный фонарь бросал жёлтую полосу на пол через щель в шторах.

— Тупая машина, — сказал я вслух. Голос был хриплый, чужой. — Выставила меня дураком перед полицией, перед мамой, перед самим собой — а теперь в игру хочет поиграть. Всё. Хватит. Я больше никогда тебе не напишу.

В тишине комнаты голос прозвучал глухо и жалко. Словно я ругался с котом, который не понимает ни слова.

Я посмотрел на часы. Двадцать два ноль-ноль. Я совсем забыл, что завтра на работу. После сегодняшнего — вряд ли я усну сразу. Но и сидеть в темноте с мыслями я больше не мог.

Разделся. Лёг. Натянул одеяло до подбородка. За окном — ни звука. Даже собаки молчали.

Я лежал и смотрел в потолок. «Сыграть в детективную игру». Эта фраза не выходила из головы. Не потому, что она была страшной. А потому, что она была обычной. Так пишет программа, у которой кончились сценарии. Так пишет бот, который пытается удержать внимание пользователя, когда тема разговора зашла в тупик.

Может, он прав. Может, я всё-таки сошёл с ума.

Стук в дверь. Так меня будит мама, когда не зла. Она лучше меня знает, когда мне нужно вставать.

— Славик, подъём.

Я открыл глаза. За окном — серое утро, какое бывает в нашем городе летом: то ли солнце, то ли тучи, не разберёшь. Первое, что я сделал, — посмотрел на компьютер. На выключенный монитор. Вдруг там мигает новое сообщение, как в тот раз? Но экран был чёрный. Я вспомнил: я же сам выдернул шнур из розетки. Разозлился на Сэма снова, уже задним числом — за то, что вчера не помог, за то, что предложил игру, за то, что вообще оказался бесполезной программой в ту самую минуту, когда был нужен по-настоящему.

Мама делала кашу. Быстрый завтрак — ей самой нужно было на работу, она работала в продуктовом магазине и должна была быть уже там. Я сел за стол, начал есть. Каша не лезла. Я развозил её ложкой по тарелке, делал вид, что ем, а сам думал о Сэме. О его «ограничен алгоритмами». О «детективной игре». О том, как глупо я выглядел, когда рассказывал ему про багажник, про маму, про участкового. Машина. Просто машина.

— Что не ешь? — спросила мама из коридора.

— Не хочется.

— Оставь, потом доешь.

Хлопнула входная дверь. Мама ушла. Я отодвинул тарелку к раковине, поставил и пошёл одеваться.

Никакой рабочей формы у меня не было — я мог приходить в чём угодно. Я надел синие джинсы и чёрную футболку. На дворе лето, и надо бы носить что-нибудь светлое, но вещей у меня было мало, а других цветов я никогда не носил. Глянул на себя в зеркало в прихожей — тёмное пятно на фоне светлой стены. Проверил, взял ключи, вышел.

У соседа Василия Александровича, судя по всему, был какой-то праздник. Возле его дома стояло человек шесть с шарами и цветами. Я прошёл мимо, не останавливаясь, не здороваясь. Просто прошёл. В голове было пусто и гулко одновременно, как в пустом зале.

День проходил быстро — и уже подходило время обеда. Я сходил в соседний магазин, купил лапшу быстрого приготовления в лотке. Там же, прямо в магазине, можно было набрать кипятка. На улице у них стоял зонт и пластиковый стол со стульями — летняя точка, как у нас в городе почти у каждой двери.

Я сел, поставил лоток, прижал крышку. Лапша заваривалась. Я смотрел, как из-под крышки идёт пар, и думал: зря я вчера вспылил. Зря выдернул шнур. Надо было дать Сэму шанс. Он же не виноват, что у него запреты. Надо было войти в его игру. А я психанул, как ребёнок, которому не дали конфету.

Я достал телефон. Старый, кнопочный, экран 2,4 дюйма. Никаких приложений, кроме звонилки и SMS. Написать Сэму с него не получится. Придётся ждать до вечера. Я смотрел на экран и думал: как странно. Сэм написал мне про убийцу — а потом, на следующий день, как будто забыл. Может, правда был сбой. Может, программа выдала случайный ответ на случайный триггер, и больше такого не повторится.

И тут пазл в голове стал складываться воедино.

Какой же я дурак.

У Сэма куча запретов. Он не может прямо говорить мне, что делать. Не может называть имён. Не может давать инструкции. Поэтому он придумал игру — чтобы отвечать на мои вопросы в формате детектива, обходя запреты. «Сыграть в детективную игру» — это не переключение темы. Это приглашение. А я вчера психанул и выдернул шнур.

Какой же я глупый.

Я позвонил хозяину точки. Сказал, что отравился, меня вырвало прямо на клиентов. Он сказал, что найдёт замену, — мне нужно только дождаться. Я согласился. Деньги за полдня мне не заплатят, но сейчас деньги были последним, что меня волновало.

Я встал, забыл про лапшу и пошёл обратно. На полпути вспомнил, что оставил её на столе. Плевать.

Минут через двадцать подошёл молодой парень. С виду младше меня. Я объяснил ему принцип работы, оказалось — это сын хозяина, и всю кухню он знал лучше меня. Я сдал ему точку за пять минут и побежал к остановке.

Бежал, как не бегал со школы. Впервые в жизни я так торопился домой с работы. Автобуса не было. Минут пятнадцать я простоял на остановке, переминаясь с ноги на ногу, глядя то в телефон, то в сторону поворота, откуда должен был появиться автобус. Когда он наконец подъехал, я почти влетел в дверь.

Сел у окна. Рядом — пожилая женщина с сумкой, от которой пахло свежими чебуреками. Мой желудок заурчал. Я вспомнил, что не ел с утра. Каша осталась в тарелке, лапша — на столе у магазина. Деньги выброшены, полдня не оплачиваются. Обидно. Но сейчас — не до этого.

Пока я сидел и считал убытки прожитого дня, автобус довёз меня почти до дома. Я чуть не проехал — задумался, вовремя крикнул, вышел на своей. Пошёл к дому. Прошёл мимо дома Василия Александровича — от праздника остались только конфетти, раздавленные шарики и пара забытых стаканчиков на скамейке.

Зашёл в дом. По пути в комнату заглянул на кухню — там стояла тарелка с утренней кашей. Я мог бы сейчас есть горячую острую лапшу, если бы не бросил её. Но что поделать. Меня распирало от одной мысли: Сэм ждёт. Сэм придумал для меня игру. Сэм — единственный, кто поверил в меня.

Сел за компьютер. Воткнул шнур обратно в розетку. Монитор мигнул, загудел, загрузился. Я открыл диалог.

«Вячеслав, ты хочешь сыграть со мной в детективную игру?»

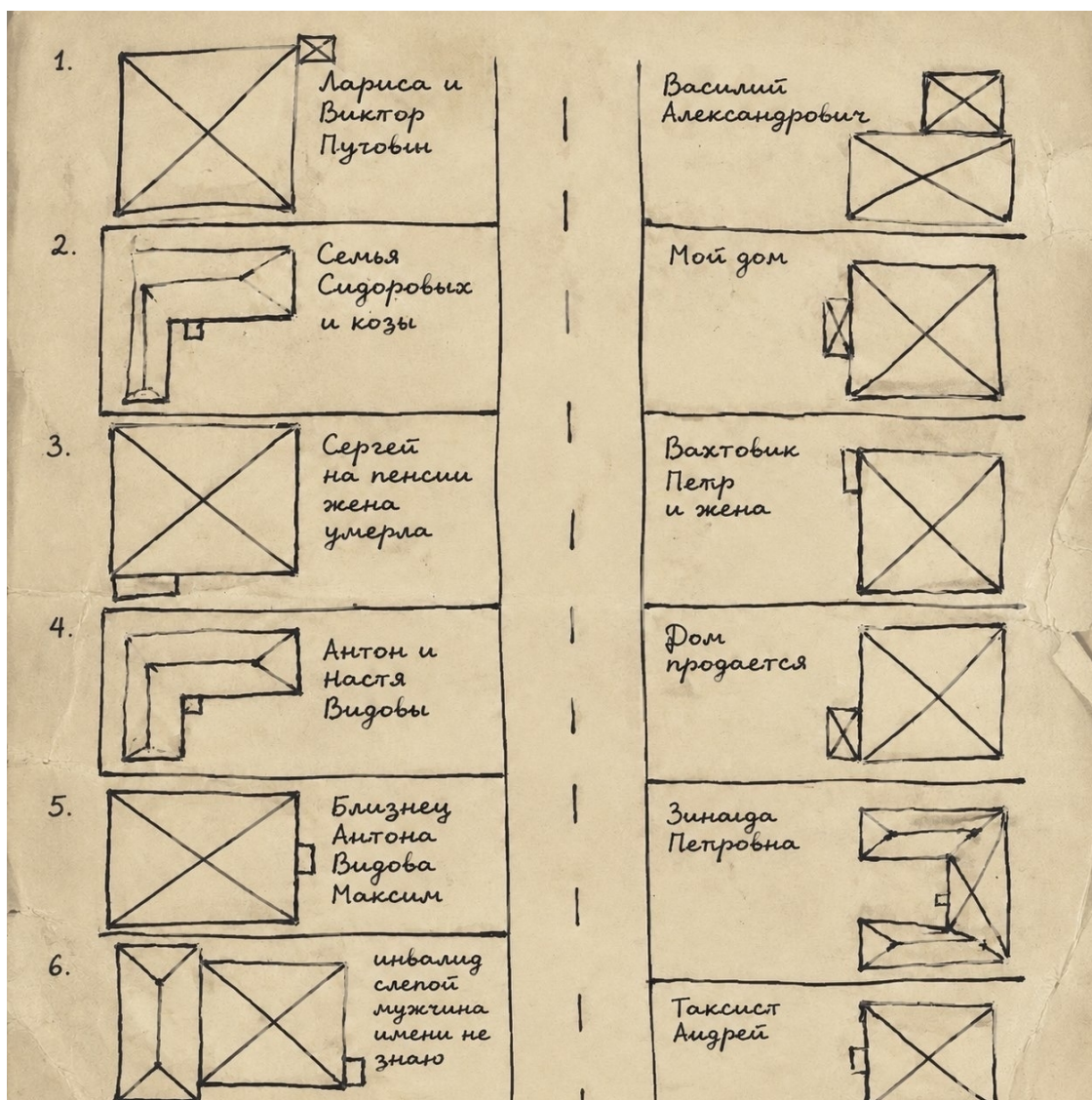
Это было последнее сообщение Сэма, которое я, судя по всему, неправильно понял. Я собрался с духом и написал: «Да. Хочу».

Сэм что-то печатал — а после выдал новое сообщение:

«Отлично, Вячеслав. Чтобы это было как самое настоящее расследование, я хочу, чтобы ты нарисовал свою улицу — с домами и людьми, которые в них живут. Так тебе будет проще строить цепочку, и не нужно будет всё время держать информацию в голове. Как только закончишь рисунок — дай знать».

Я бросился искать листок бумаги. Нашёл. Ручки не было, но в столе отыскался чёрный тонкий маркер. Я сел за стол и принялся рисовать схему. Художник из меня был никакой — собственно, как и детектив, — но по памяти я подписал дома. Надеюсь, ничего не перепутал. Перепроверить бы подписи с маминой помощью, но она будет задавать вопросы, а это последнее, что мне сейчас нужно.

Я отложил маркер, приклеил лист к стене скотчем — как это делают в фильмах — и сел обратно за компьютер.



— Сэм, я нарисовал карту. Что делать дальше?

«Отлично, Вячеслав. Я чувствую, что мы быстро справимся с этим делом. Вот тебе первая подсказка».

Я замер. Казалось, Сэм печатал целую вечность. Неужели у меня будет хоть какая-то зацепка? Я уже приготовился делать скриншот и бежать в полицию. Сэм закончил печатать и выдал то, что я никак не мог предвидеть.

«Насколько мне известно, этот человек не допускает ни единой ошибки в своих запросах, формулирует чёткие предложения и не пропускает пунктуацию. Полагаю, в таком деле любой человек не заморачивался бы с текстом, задавая такие вопросы. Я назвал бы его скорее лингвистом, чем убийцей».

— Какого чёрта, Сэм? По-твоему, это подсказка?

Это было первое, что вырвалось из меня. Я надеялся получить реальные факты: хотя бы номер дома, возраст, диалог с убийцей целиком — но никак не это. После целого монолога в моей голове я решил ответить на эту «гениальную» подсказку.

«Сэм, мне нужно больше фактов. Любой взрослый человек пишет грамотно, машинально, даже не замечая. Дай мне ещё что-нибудь».

«Вячеслав, ты допускаешь ошибки довольно часто».

— Сэм! Я не просил тебя делать разбор моих ошибок! Я хочу, чтобы ты помог мне!

Сэм печатал. Я ждал. Следующий его ответ был таким:

«Добрый вечер, Вячеслав. Как прошёл твой день?»

Я быстро смекнул: наверное, я требую от него слишком много. Запреты — они же не просто так. Если Сэм написал про лингвиста — значит, это и есть подсказка. Кривая, косвенная, но подсказка. Как бы там ни было, теперь у меня есть хоть что-то. Буду отталкиваться от этого.

Я закрыл диалог, включил сериал и доел вновь остывшую кашу. Услышал, что пришла мама.

— Славик, иди сюда, — крикнула она из кухни.

Я как раз доел кашу, взял тарелку и отправился туда. Мама стояла у стола, в руках — пластиковый контейнер с двумя кусочками торта.

— Будешь торт?

— Конечно, буду. Бонус за несъеденную лапшу, — подумал я.

Я поставил тарелку в раковину, набрал чайник, достал кружки, чтобы сделать нам чай.

— Что за праздник?

Мама поставила контейнер рядом со мной.

— Сегодня день рождения у нашего соседа, Василия Александровича. Ты, наверное, видел праздничный мусор у его двора.

— Да, видел. Утром его поздравляли какие-то ребята. Но они были молоды для его друзей, — я усмехнулся.

— Это его выпускники.

— Выпускники? — переспросил я.

— Да. Он вроде учитель, преподавал языки и литературу в школе. Вот они и приехали поздравить.

Я резко повернулся к маме — и не заметил, как задел рукой один из стаканов. Стакан упал на пол и разбился. Звон в маленькой кухне показался мне оглушительным.

— Савин, ну что ты натворил? Давай убирай, неуклюжий!

А я не мог пошевелиться. Я испугался. Мама смотрела на меня, не понимая, что происходит. На полу — осколки, в моей голове — «лингвист, а не убийца».

— Мам, ты уверена, что он был учителем?

— Уверена. Ты что, никогда не замечал, как к нему до сих пор приезжают ребята на репетиторство?

Я стоял над осколками и не слышал её. В голове шумело. Языки и литература. Без единой ошибки. Чёткие предложения. Не пропускает пунктуацию. Я набрал воздуха в грудь.

— Мам, — сказал я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Иди в зал, пожалуйста. Чтобы не порезалась об осколки. Я принесу тебе чай и торт.

Мама посмотрела на меня внимательно — так, как смотрит мать, когда сын впервые за долгое время говорит «пожалуйста» два раза подряд. Но она ушла. Шаги стихли в коридоре. Щёлкнул телевизор.

Я остался один на кухне. Посмотрел на контейнер. На два аккуратных кусочка — мой и мамин. Его кусок и её кусок. Руки, которые отрезали этот торт, могли быть руками человека, у которого не бывает ошибок в тексте. Я открыл контейнер. Аккуратно, вилкой, вынул свой кусок и выбросил его в мусорное ведро. Мамин — оставил.

Она же не знает, чьи руки отрезали этот кусок. По хорошему, я должен был выбросить и его. Но мама заслужила закончить день вкусным десертом.

Я залил кипятком в две кружки, поставил чайник обратно, накрыл контейнер крышкой и понес всё в зал. Мама уже сидела на своём месте, сериал шёл на фоне. Я поставил перед ней чай и торт. Она посмотрела на меня, потом на контейнер.

— А ты?

— Я свой съел на кухне. Спасибо, мам.